

Вступление

В наши дни слова «террор» и «терроризм» прочно вошли в лексикон не только всех мировых СМИ, но и рядовых граждан практически всех государств мира. Однако зачастую между этими терминами не делают различия, что совершенно неверно. Впрочем, не следует винить в этом журналистов, поскольку еще сто лет назад в энциклопедиях давалось следующее определение террора:

«Террор (франц. Terreur, ужас), господство ужаса во время французской революции (от мая 1793 до 27 июля 1794); лица, стоявшие в то время во главе правления, называются террористами. “Белым террором” называют, вследствие белого знамени Бурбонов, кровавую реакцию после 1815»¹.

Однако, как уже говорилось, ставить знак равенства между террором и терроризмом нельзя. Дело в том, что террор — это политика репрессий со стороны государства против оппозиции для сохранения status quo, проводимая с помощью его силовых структур, терроризм — насилие, совершаемое представителями оппозиционных правительству группировок с целью вызвать панику среди населения, ослабить государственные институты и осуществить политические, религиозные или социально-экономические изменения в обществе. При этом орудием террора являются репрессии (явные и тайные), оружием терроризма — террористический акт. Необходимо также помнить, что история терроризма в его современном понимании начинается в XIX веке, в то время как история террора насчитывает более двух тысячелетий.

Первым государством, о котором достоверно известно, что в основу его внутренней политики были положены репрессии, являлась античная Спарта, спартанский государственный террор можно считать в определенной степени классическим. Особая форма государственного устройства Спарты привела к тому, что граждане-спартиоты были вынуждены постоянно считаться с возможностью восстания рабов-илотов, которые многократно превосходили их по численности. Поэтому для обеспечения своего господствующего положения спартанцы взяли на вооружение тотальный террор, направленный на всех без исключения илотов. Механизм этого

террора получил название криптии, их описание встречается у многих античных авторов. Например, Плутарх говорит по этому поводу следующее:

«Вот как происходили криптии. Время от времени власти отправляли бродить по окрестностям молодых людей, считавшихся наиболее сообразительными, снабдив их только короткими мечами и самым необходимым запасом продовольствия. Днем они отдыхали, прячась по укромным уголкам, ночью, покинув свои убежища, умерщвляли всех илотов, каких захватывали на дорогах. Нередко они обходили и поля, убивая самых крепких и сильных илотов. Аристотель особо останавливался на том, что эфоры (Высшие должностные лица. — *Прим. авт.*), принимая власть, первым делом объявляли войну илотам, дабы узаконить убийство последних»².

Впрочем, необходимо добавить, что те или иные методы устрашения рабов присутствовали в любом античном государстве. Просто в Спарте ввиду того, что илоты являлись собственностью государства, для их подавления использовались не частные, а общественные институты.

Имели место во времена античности и убийства находящихся в эмиграции представителей оппозиции. Так, например, в 403 г. до н.э. 30 афинских тиранов во главе с Критием, опасаясь за свою власть, убедили спартанского полководца Лисандра в том, что скрывавшийся у персов его давний противник, бывший афинский стратег Алкивиад представляет угрозу для установленного им в Афинах порядка. В результате по требованию Лисандра персидский сатрап Сарнабаз отдал приказ убить Алкивиада.

Другой подобный случай связан с именем карфагенского полководца Ганнибала, непримиримого врага Рима. Потерпев после 18 лет непрерывной войны поражение от римлян в сражении при Заме (202 г. до н.э.), он был вынужден отправиться в изгнание на Восток, но воевать с Римом не прекратил. «Отцы-сенаторы, — пишет Корнелий Непот, — считавшие, что не будет им покоя, пока жив Ганнибал, отправили в Вифинию легатов с наказом требовать от царя, чтобы он не держал при себе злейшего врага Рима, но выдал его послам. Прусий не посмел отказать гостям и уперся лишь на том, что послы не должны требовать, чтобы он выдал Ганнибала лично, поскольку это нарушило бы долг гостеприимства. Пусть, мол, они сами ловят его, как могут, местоположение его будет найти легко»³. В результате дом, где проживал Ганнибал, был окружен вооруженными людьми, и он, не видя выхода, покончил с собой.

Во времена Римской империи императоры также проводили политику террора против сенатской оппозиции, орудием которого были силовые структуры того времени — преторианские когорты. Смысл проводимого императорами террора заключался в искоренении остатков республиканских государственных институтов и укреплении институтов имперских. При этом репрессии практически не касались других сословий (всадничество, плебс), сопротивление со стороны сенатской оппозиции выражалось отдельными заговорами, да и то только в тех случаях, когда террор приобретал массовый характер и начинал угрожать самому существованию Римского государства.

В Средние века террора как такового фактически не было. Разумеется, на заговоры правители отвечали репрессиями, но они носили ограниченный и узконаправленный характер. Так, например, на французского короля Генриха IV Наваррского покушались постоянно: в 1593 году — Легер, в 1594 году — Жан Шостель, в 1595 году — доминиканец Ридиго, в августе 1596 года — Жан Гудон, потом и его брат и т.д. Все они были католиками-фанатиками, но никаких репрессий в отношении церкви не отмечалось. Что касается убийства Генриха IV религиозным фанатиком Франсуа Равальяком, то общество охарактеризовало его как злостное преступление. После казни Равальяка его тело было разорвано на куски сторонниками Генриха IV, но репрессий со стороны властей не было вообще.

Если говорить о России, то впервые террор как государственную политику применил Иван IV Грозный, создавший для этого специальный орган — опричнину. Причиной репрессий стал спор между Иваном IV и боярством о дальнейшем пути развития государственной власти. Бояре отстаивали западный путь развития государства. В качестве идеала им виделось устройство Польши, где король был выборной фигурой, действия которого находились в прямой зависимости от воли шляхетства и магнатов. Иван стремился к самодержавной форме правления, опираясь на идею божественности ее происхождения. В связи с этим террор затронул все слои населения России — боярство, высшее духовенство, служилых и приказных людей, посадские верхи, крестьянство. В результате выбранная Иваном IV модель государственного устройства была реализована, но оказалась неустойчивой, к тому же достигнута страшной ценой — к концу его царствования до 90% пахотных земель не засеивалось, крестьянство массово бежа-

ло на юг, страна была разорена. Дальнейшими последствиями террора Ивана IV были т.н. «Смутное время», польская интервенция и, как итог, установление института крепостничества.

Однако необходимо отметить, что Иван IV ни разу не пытался физически устранить своих противников, бежавших за границу.

Даже князю Андрею Курбскому он посылал не наемных убийц, а гневные письма. Покушаться на жизнь покинувшего его удел подданного ему даже не приходило в голову. Так же и Петр I, преследуя оппозицию внутри страны, бежавшего в сентябре 1716 года в Австрию наследника престола царевича Алексея не убил, не похитил, а хитростью уговорил вернуться обратно. Исключением на этом фоне выглядит похищение из Италии в 1775 году самозванной княжны Таракановой, совершенное графом Алексеем Орловым по приказу Екатерины II. Здесь необходимо учесть и то обстоятельство, что самозванка претендовала на российский престол, называя себя незаконнорожденной дочерью императрицы Елизаветы. А Екатерина II, когда дело касалось ее права царствовать в России, забывала о своем гуманизме и была беспощадной.

Что касается террора как государственной политики, то вновь он появляется на исторической сцене после Великой французской революции, когда новая историческая формация завоевывала себе место под солнцем. При этом применение репрессий оправдывалось необходимостью защиты завоеваний революции от заговоров монархистов, что можно проследить, например, по высказываниям Марата в декабре 1790 года.

«Перестаньте же напрасно терять время на обдумывание средств обороны, у вас осталось только одно из них — именно то, которое я рекомендовал уже столько раз: всеобщее восстание и народная расправа... Перебейте без всякой пощады весь парижский Генеральный штаб, всех депутатов Национального собрания — попов и приверженцев министерства, всех известных приспешников деспотизма... Шесть месяцев тому назад пятисот, шестисот голов было бы достаточно для того, чтобы отвлечь вас от развернувшейся бездны. Теперь, когда вы неразумно позволили вашим неумолимым врагам составлять заговоры и накапливать силы, возможно, потребуется отрубить пять-шесть тысяч голов; но если бы даже пришлось отрубить двадцать тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты»⁴.

«Не давайте себя усыпить, — обращался он к федератам 7 августа (1792 год. — *Прим. авт.*). — Держите как заложников

Людовика XVI, его жену, его сына, его министров, всех ваших вероломных представителей... Вот изменники, наказания которых должна требовать нация и которых она должна прежде всего принести в жертву для общественного спасения»⁵.

В дальнейшем террор под теми же знаменами шел по нарастающей, особенно после того, как одна партия (в данном случае Якобинский клуб) полностью подменила собой как исполнительную, так и законодательную и судебную власть. Столкнувшись с многочисленными, прежде всего экономическими, трудностями, якобинцы нашли в терроре способ удержаться у власти, что отмечал еще в XIX веке историк Т. Карлейль: «Что может противопоставить якобинский Конвент всем неисчислимым трудностям, ужасам и бедствиям? Неспособный рассчитывать дух и анархическое безумие санкюлотства! Наши враги теснят нас, говорит Дантон, но покорить нас им не удастся; «скорее мы обратим в пепел Францию»»⁶.

Он же приводит и многочисленные примеры репрессий: «Более ужасный закон («Закон о подозрительных». — *Прим. авт.*) никогда не управлял ни одной нацией. Все тюрьмы и арестные дома на французской земле переполнены людьми до самой кровли; 44 тысячи комитетов, подобно 44 тысячам жнецов и собирателей колосьев, очищают Францию, собирают свою жатву и складывают в эти дома. Это жатва аристократических плевел! Мало того, из опасения, что сорок четыре тысячи, каждая на своем жатвенном поле, окажутся недостаточными, учреждается на подмогу им странствующая «революционная армия» в шесть тысяч человек под командой надежных капитанов; она будет обходить всю страну и вмешиваться там, где найдет, что жатвенная работа ведется недостаточно энергично. Так просили муниципалитет и Мать патриотизм (То есть Якобинский клуб. — *Прим. авт.*), так постановил Конвент. Да исчезнут все аристократы, федералисты, все господа! Да вострепещет все человечество! Почва страны должна быть очищена мстью!»⁷

Однако и якобинцы не практиковали преследование оппозиции за рубежом. Впервые на это пошел Наполеон. По его приказу 21 марта 1804 года на территории суверенного Баденского княжества был захвачен дальний родственник Бурбонов герцог Энгиенский. Его доставили во Францию, в тот же день формально осудили военным судом и расстреляли в Венсеннском замке. Впрочем, справедливости ради необходимо отметить, что Наполеон до конца своих дней раскаивался в содеянном и каждый раз обвинял в случившемся минист-

ров (прежде всего Талейрана), что в других случаях ему было не свойственно.

В XIX веке террор как государственная политика постепенно отходит на задний план, уступая место экономическим методам принуждения. Но в это же самое время на исторической сцене появляется терроризм — национально-освободительный и революционный (политический). При этом национально-освободительный терроризм наблюдался как в Азии (в Индии — антибританский, в Корее — антияпонский, во Вьетнаме — антифранцузский), так и в Европе (в Ирландии — антианглийский, в Армении и Македонии — антитурецкий, в Боснии и Галиции — антиавстрийский и т.д.). Что же касается терроризма революционного, то это явление чисто европейское. Первыми терактами чаще всего называют убийство Карлом Людвигом Зандом русского агента писателя Августа Коцебу 23 марта 1819 году в Германии и убийство герцога Шарля-Фердинанда Беррийского 13 февраля 1820 г. Наследник Бурбонов был убит седельщиком Пьером-Луи Лувелем при выходе из театра Гранд-Опера в Париже во Франции. Причем в первом случае теракт должен был «освободить» Европу от политического диктата России, во втором — пресечь наследование престола династией Бурбонов — для становления во Франции республики.

Дальнейшее развитие политический терроризм получил во время революционного подъема 1830—1840 годов в Европе. Именно тогда начала распространяться идеология анархизма и связанный с ней терроризм. Достаточно будет сказать, что практически все государства Европы в той или иной мере ощутили на себе террористические вылазки анархистов, понятия «анархист» и «террорист» стали синонимами. Тогда же появилось на свет учение К. Маркса, который также не отрицал терроризма. Недаром в своих работах он писал, что «существует лишь одно средство сократить, упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки нового общества, только одно средство — революционный терроризм». Но если в Европе, правовое сознание населения которой стояло достаточно высоко, терроризм в целом был подвергнут осуждению, то в России, где понятие «право» отсутствовало практически у всех сословий, он нашел благодатную почву.

Первым в России публично в 1862 году признал терроризм как нормальное средство для достижения политических и социальных изменений общества бывший студент Мо-

сковского университета Петр Заичневский, автор прокламации «Молодая Россия». «Мы изучили историю Запада, — писал он, — и это изучение не прошло для нас даром; мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах»⁸.

Эпоха практического терроризма началась в России 4 апреля 1866 года, когда Дмитрий Каракозов неудачно стрелял в Александра II. Дальнейшее развитие революционного движения привело к тому, что в 1879 году организация «Земля и воля», ставившая своей целью освобождение крестьянства и наделение его землей, раскололась на две группы, причем вторая, «Народная воля», встала на путь терроризма, посчитав его единственно возможным инструментом борьбы за политические свободы, против произвола властей. Народовольцы подготовили 7 покушений на Александра II, последнее из которых, 1 марта 1881 года, закончилось убийством царя. «Народная воля» послужила прообразом всех последующих террористических организаций. Так, в декабре 1886 года А. Ульяновым и П. Шевыревым была основана «Террористическая фракция» «Народной воли», ставящая целью установление в России социалистического строя путем дезорганизации правительства посредством террористических актов. Впрочем, эта организация была быстро раскрыта и задуманное покушение на Александра III не произошло. А в октябре 1901 года из народнических групп была создана партия эсеров, при которой образовалась знаменитая Боевая организация во главе с Г. Гершуни для организации терактов с целью истребления крупных царских сановников.

В результате начиная с 1881 года от рук террористов пали Александр II, великий князь Сергей Александрович, министры Н.П. Боголепов, Д.С. Сипягин, В.К. Плеве, множество прокуроров, губернаторов, полицейских чинов, попутно с которыми гибли ни в чем не повинные люди. Завершил список жертв террористов П.А. Столыпин, убитый 1 сентября 1911 года в киевском оперном театре⁹. Особо массовым он был в годы первой русской революции, когда по стране практически бесконтрольно со стороны революционных партий действовали боевые летучие отряды, порой сами определявшие свои цели, что не приветствовалось их политическим руководством. Итоговая статистика (возможно, завышенная) деятельности рево-

люционеро́в — 4500 чиновников различного ранга и около 17 тысяч мирного, ни в чем не повинного населения.

Разумеется, свои боевые террористические организации были не только у народников или эсеров, но и у анархистов, максималистов, национальных революционных партий (финнов, поляков, латышей, евреев, представителей народов Кавказа), были они также и у большевиков. Причем самые массовые и «серьезные». Недаром Ленин еще в статье «С чего начать» писал, что «принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора»¹⁰. Ленин в 1905 году, забыв о своих обвинениях против эсеров в «революционном авантюризме», потребовал от большевистских организаций, и прежде всего от недавно созданной Л. Красиным Боевой технической организации при ЦК РСДРП, перехода к партизанской борьбе.

«Я с ужасом, ей-богу, с ужасом вижу, что о бомбах говорят больше полугода и ни одной не сделали! — писал он в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете РСДРП. — Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т. д... и т. п... Пусть тотчас вооружаются сами, кто как может, кто револьвером, кто тряпкой с ксеросином для поджога и т. д...

Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания... Пусть каждый отряд учится хотя бы на избиении городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных бойцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч»¹¹.

После спада революционного движения 1905—1906 годов Боевая техническая организация и боевые организации при комитетах РСДРП переориентировались главным образом на «экссы». Причем грабежи государственных учреждений и частных лиц проводились большевиками со столь необычайным размахом, что многие партийные лидеры стали говорить, что «экссы» и подобные им «партизанские действия» способны дискредитировать партию в глазах ее сторонников и посеять семена внутренней деморализации. В результате вопрос об «эксах» обсуждался на двух совместных съездах большевиков и меньшевиков. На IV съезде РСДРП в 1906 году большевики во главе с Лениным предлагали признать допустимыми экспроприации государственных денежных средств на нужды восстания при условии контроля за ними со стороны

партии. Но меньшевики и часть большевиков проголосовали против, и это предложение ленинцев не прошло. На V съезде РСДРП в 1907 году большевики вновь поставили вопрос о разрешении экспроприации казенного имущества при условии самого строгого контроля со стороны партии, но большинство проголосовало за резолюцию меньшевиков, воспрещающую «экссы». (Ленин и его сторонники голосовали против этой резолюции.)

Однако резолюции IV и V съездов партии не выполнялись, большевики организовали «военно-техническое бюро» для добывания денежных средств, а также закупок и производства оружия для боевых групп. Боевые организации большевиков продолжали проводить «экссы» и другие «партизанские действия». Достаточно назвать знаменитую экспроприацию на Эриванской площади в Тифлисе 13 июня 1907 года, проведенную под руководством знаменитого Камо, во время которой погибло три человека (добычей боевиков стала 241 тыс. руб.). Более того, именно в этот период в политическом лексиконе революционных партий появилось понятие «лбовщина», связанное с именем видного уральского боевика Александра Лбова, создавшего партизанский отряд.

Несмотря на запрещение «экссов», он продолжил грабежи «на нужды революции» и вскоре стал заурядным бандитом-уголовником, его боевая дружина выродилась в обычную банду.

Но не только «эксами» занимались боевые дружины. Например, в 1905 году группа боевиков под руководством Христофора Салныня (о нем чуть позже) освободила из Рижской центральной тюрьмы группу заключенных боевиков, в том числе члена ЦК Латвийской партии Лацис-Крюгера, рабочего Шлессера и Петерса, брата будущего знаменитого чекиста, ожидавших смертного приговора по делу об организации изготовления ручных бомб на заводе «Феникс». Вечером 7 сентября 1905 года группа из 15 боевиков во главе с Салнынем, одетым в студенческую шинель, на которую были пришиты офицерские погоны, ворвалась в тюрьму и с боем освободила заключенных. Эта акция получила широкий резонанс не только в России, но и за рубежом. Так, например, женевская газета «Le Temps» от 9 сентября 1905 года по этому поводу писала:

«Позапрошлой ночью группа в 70 человек напала на Рижскую центральную тюрьму, перерезала телефонные линии и посредством веревочных лестниц влезла в тюремный двор, где после жаркой стычки было убито двое тюремных сторожей и трое тяжело ранено. Манифестанты освободили тогда

двоих политических, которые находились под военным судом и ждали смертного приговора. Во время преследования манифестантов, которые успели скрыться, за исключением двух, подвергшихся аресту, был убит один агент и ранено несколько полицейских».

В том же 1905 году большевики совместно с эсерами и финскими националистами предприняли попытку доставить в Россию огромную партию оружия, закупленную при помощи японского военного атташе в Швеции (35 000 винтовок системы «Росс» и 7 500 000 патронов к ним, 30 000 револьверов и несколько тонн динамита). В августе оружие было погружено в Гамбурге на пароход «Эллен», в Северном море перегружено на судно «Джон Графтон» под британском флагом. Однако в финских шхерах недалеко от Кеми капитан судна Янструтман заблудился и привлек внимание береговой охраны и таможни. В результате корабль пришлось взорвать, но еще долго финские рыбаки подрабатывали ловлей «огнестрельных рыбок».

Еще более дерзкие замыслы вынашивались большевиками в 1906—1907 годах, о чем можно судить по письму активного участника революции 1905 года Николая Буренина пролетарскому писателю Максиму Горькому. «Об этом никто из старых товарищей никогда не напишет, — сообщал М. Горькому Буренин. — А есть совершенно изумительные вещи, например, как собирались украсть Николая II, и это не анекдот, а факт, об этом серьезно советовались с Красиным и Владимиром Лениным»¹².

Идею похитить царя предложил Красину Александр Игнатьев, сын генерала и действительного статского советника, вступивший в РСДРП в 1903 году. Бывая в Новом Петергофе, Игнатьев близко сошелся с казаками, служившими в царском конвое, и узнал, что они имеют претензии к царю. В частности, казаки были недовольны тем, что на высшие командные должности в казачьих войсках назначают выходцев из остзейских баронов. Тогда у Игнатьева созрел замысел использовать казаков для похищения царя. О своем плане он рассказал Буренину, тот, в свою очередь, Красину. Красин долго обсуждал его с Игнатьевым, делал замечания, вносил предложения, после чего доложил о нем Ленину. Однако Ленин санкционировать похищение отказался, назвав его авантюрой, которая только отвлечет силы, необходимые для более важной работы. Но при этом не только не высказал неудовольствия автору проекта, а наоборот, похвалил за революционную инициативу.

Удивляться столь широкому и быстрому распространению идеологии и практики терроризма не стоит. Дело в том, что к началу XX века в России подросло целое поколение, для которого революционная деятельность в целом и террористическая в частности стала не только этическим идеалом, но и политической необходимостью, поскольку недалекий и упрямый Николай II сопротивлялся проведению любых реформ, необходимость которых понимало подавляющее большинство граждан страны. В годы первой русской революции этот тип — боевика — стал чрезвычайно распространен, причем среди членов всех революционных партий, но особенно среди эсеров и большевиков.

После Октябрьской революции очень многие из этих революционеров-боевиков стали крупными советскими государственными деятелями, сотрудниками спецслужб и привнесли свой дореволюционный опыт в практику работы государственных органов.

Примером могут служить первые годы революционной деятельности одного из руководителей советской военной разведки Яна Карловича Берзина, настоящее имя которого было Петерис Кюзис. Он родился 13 ноября 1890 года в имении Клигене Яунпилсской волости Рижского уезда Лифляндской губернии в семье батраков. Бедняки-родители не могли устроить сына в гимназию или реальное училище, и он с большим трудом поступил в учительскую семинарию, готовящую учителей для начальных сельских школ. Поэтому не стоит удивляться тому, что в октябре 1904 года юный Петерис вместе с другими учащимися семинарии принял участие в демонстрациях против царизма, в 1905 году вступил в РСДРП. После начала революции 1905 года он записался в народную милицию и принимал участие в нападениях на казаков, посланных усмирить восставших. В январе 1906 года он был задержан, но сразу после освобождения вернулся к вооруженной борьбе, уйдя к «лесным братьям».

В мае 1906 года во время облавы на отряд «лесных братьев» Берзин был трижды ранен (в ногу, плечо и голову) и захвачен в плен.

После лечения в госпитале он в 1907 году предстал в Ревеле перед военно-полевым судом, который приговорил его к смертной казни. Но так как он к моменту вынесения приговора был несовершеннолетним, то смертная казнь ему была заменена. На повторном заседании суда Берзина приговорили к 8 годам тюремного заключения, которые ввиду несовершен-

нолетия подсудимого позднее сократили до 2 лет. В результате в 1909 году он вышел на свободу и вновь вернулся к революционной борьбе.

А вот начало революционной деятельности другого старого большевика из батраков и будущего друга и соратника Берзина, упомянутого выше Христофора («Гришки») Салныня, который в 1920—1930-х годах был в Разведупре РККА основным специалистом по «активке», т.е. боевым спецоперациям за рубежом. В своей автобиографии, датированной 30 мая 1931 года, он так описывает свою деятельность в 1904—1905 годах в Риге:

«Из нескольких членов наших кружков (Латвийской социал-демократической организации. — *Прим. авт.*) уже в начале 1904 г. была создана небольшая группа, человек 4—5, “боевиков”, обязанностью которых было, кроме другой партработы, еще пойти по требованию в другие районы около заводов или фабрик и “проучить” дубинкой тех мастеров или лизунов из рабочих, которые делали доносы на наших товарищей перед дир. завода и полиции или как-либо иначе вредили рев. движению.

Скоро после январских дней 1905 г. и расстрела рабочих-демонстрантов в Риге у железного моста начали формироваться группы “боевиков” из наиболее активных молодых рабочих заводов и фабрик, а также среди учащейся молодежи, и я целиком ушел на эту работу.

Такая же группа была создана и в нашем районе, и я стал ее руководителем»¹³.

Тогда же группа боевиков убила священника Натауской церкви и одновременно агента рижской охранки барона Шиллинга, а 7 сентября 1905 года, как уже говорилось, Салнынь руководил нападением на Рижскую центральную тюрьму, после которого был вынужден уехать из Риги, но боевой деятельности не прекратил. Он участвовал в нападении на волостное правление в Матиси, стычке с отрядом самообороны немецких баронов в местечке Масалац, в конце сентября был направлен в Швейцарию для покупки оружия. Вернувшись в октябре в Прибалтику, Салнынь принимал участие в боях крестьянских повстанческих отрядов с казаками под Либавой, 17 января 1906 года возглавил вооруженное нападение на Рижское полицейское управление, в результате чего было освобождено 6 революционеров. Вскоре после этого Салнынь с группой рижских боевиков уехал в Петроград, где стал членом Боевой технической группы Петроградского комите-

та РСДРП(б). Затем в Баку он принимал участие в ликвидации провокатора матроса Феодора (в этом деле также участвовал будущий прокурор и министр иностранных дел СССР Андрей Вышинский, осужденный после этого царским судом к двум годам заключения), затем опять вернулся в Прибалтику. Летом 1906 года во время экспроприации 28 тысяч рублей из почтового отделения в Либаве Салнынъ был задержан полицией, но буквально сразу бежал из-под стражи. Позднее его еще дважды арестовывали, но каждый раз ему удавалось вырваться на свободу.

В марте 1907 года Салнынъ вернулся в Петроград и продолжил работу в БТГ. Его главной задачей в это время была переправка из Европы в Россию оружия и партийной литературы. С этой целью летом 1907 года он выезжал в Англию и Бельгию, откуда с помощью своей сестры Екатерины доставил через Ригу в Петроград Красину большую партию маузеров, браунингов и взрывателей к бомбам. В 1908 году Салнынъ обосновался в Лондоне, где содержал конспиративную квартиру БТГ. В период с 1908 по 1912 год он занимался переправкой в Латвию революционной литературы, также выезжал в Берлин для организации освобождения арестованного немецкой полицией Камо.

Несколько меньше «боевой» дореволюционный стаж у другого советского мастера спецопераций, начальника Особой группы при наркоме НКВД Якова Серебрянского. Он родился 26 ноября 1892 года в Минске в семье бедного еврея, работавшего сначала подмастерьем у часовщика, затем — у приказчика. В 1908 году Яков окончил городское 4-классное училище, во время учебы в котором в 1907 году вступил в ученическую организацию эсеров, через год — в партию эсеров-максималистов. В качестве боевика он принимал участие в нападениях на сотрудников охраны, организовавших в городе еврейские погромы, но уже в мае 1909 года за хранение «переписки преступного содержания» и по подозрению в соучастии в убийстве начальника Минской тюрьмы был арестован и брошен за решетку.

Весной 1910 года Серебрянского освободили и административно выслали в Витебск. Там с апреля 1910 года он работал элетромонтером на местной электростанции, пока в августе 1912 года не был призван в армию. Служил он в Харькове рядовым 122-го Тамбовского полка, когда началась Первая мировая война, вместе с 105-м Оренбургским полком был направлен на Западный фронт. 1915 год Серебрянский встре-

тил в Баку, где с февраля работал электромонтером сначала на газовом заводе, потом на нефтепромыслах. В Баку и застала его Февральская революция, после которой он вновь активно включился в политическую борьбу в рядах партии эсеров.

Надо сказать, что биографии многих других будущих чекистов и работников Разведупра мало отличаются от приведенных выше. Поэтому, когда после Октябрьской революции они начали свои карьеры в советских спецслужбах, обращение к жестким силовым методам работы не было для них чем-нибудь, из ряда вон выходящим.

Впрочем, это была не единственная причина. Гораздо важнее было то обстоятельство, что в годы последовавшей после революции необычайно ожесточенной и кровопролитной трехлетней Гражданской войны политические убийства стали делом вполне привычным и обыденным. Террористы убивали большевистских вождей, офицеры-монархисты убивали эсеров, красные подпольщики (большевики, левые эсеры и анархисты) повсеместно убивали своих врагов (покалечили генерала Баратова, убили атамана Ляхова и др.), а также и предателей в собственных рядах. Можно сказать, что Гражданская война воспитала в России новое поколение террористов, причем в обоих лагерях. Поэтому когда мы говорим, что советское руководство санкционировало ликвидацию особо опасных врагов народной власти, необходимо понимать, что эта практика была порождением Гражданской войны, а крайние меры — вызваны необходимостью. Это особенно очевидно на примере спецопераций, проведенных чекистами и военными разведчиками против атамана Дутова, полковника Сидорова или генерал-хорунжего Юрко Тютюника. Именно их реваншистские планы и погубили этих тупоголовых «героев», а отнюдь не злобная мстительность «кровавой гэбни».

В сложившихся после Гражданской войны условиях у большевиков просто не было иного выхода, как нейтрализовать этих бешеных собак, которые и сами не жили, и другим не давали. В определенном смысле им даже оказали бесценную услугу, вовремя остановив их неизбежное падение и превратив в героев-мучеников, предоставив трудолюбивым историкам, вроде А.В. Ганина, создавать свои солидные биографические труды.

Теперь несколько слов о российских спецслужбах. Они начали зарождаться в России еще в период создания централизованного государства. Следующим этапом их формирования можно считать опричников, являвшихся личным воо-

руженным отрядом Ивана Грозного и занимавшихся оперативной (разведывательной и контрразведывательной, в том числе и в войсках) и следственной деятельностью и обладавших чрезвычайными полномочиями.

Образование, уже в царствование Алексея Михайловича, Приказа тайных дел преследовало, кроме множества других, одну из важных задач правления — охранительную — борьбу с внутренней оппозицией, так же как и организация ВЧК в 1917 году. Но если в СССР значение и престиж подразделений госбезопасности, занимавшихся «внутренними врагами», уже к 1940-м годам уступали контрразведывательным и разведывательным подразделениям — т.е. внешние враги вызывали больше опасений, чем внутренние, — то в Российской империи главными противниками спецслужб были всевозможные «крамольники и мятежники», хотя агентурно-контрразведывательная работа против них не всегда давала должные результаты. Не были предотвращены ни одно из крупных крестьянских восстаний, ни дворцовые перевороты 1741, 1762 и 1801 годов, ни выступление декабристов в 1825 году. Причиной этому во многом служила ведомственная разобщенность существовавших к началу XIX века структур, занимавшихся вопросами политического сыска и контршпионажа. Параллелизм и дублирование этих специфических функций были частично преодолены с созданием в 1826 году III отделения, которое, обладая широкими полномочиями, действовало довольно успешно: считается, что ему в основном приходилось бороться с малочисленными студенческими кружками и следить за ссыльными декабристами, однако оно пыталось охватить всеобъемлющим контролем все сферы духовной и общественной жизни. III отделение надзидало за театрами, деятелями литературы, журналистами, прессой в целом, раскольниками и т.д. Но вооруженное восстание в Польше (1830—1831 гг.) не удалось предотвратить.

В царствование Александра II история практически повторилась. Нельзя не отметить следующее: власть успешно раскрывала малочисленные революционные организации, была осведомлена о деятельности польских патриотических организаций и пыталась, но не смогла предотвратить новое польское восстание 1863—1864 гг. Однако покушение на императора 1 марта 1881 года, несмотря на предпринятые меры, увенчалось успехом.

Успешная борьба с революционным движением в 1880—1890-х гг. стала возможной благодаря не только и не столько

профессионализму жандармов, сколько общему спаду революционной ситуации.

В правление последнего русского императора отдельные тактические успехи спецслужб связаны с широко применявшимся методом провокации, а провалы были, опять же, грандиозными — чего стоили одни многочисленные политические убийства, в том числе таких высокопоставленных лиц, как великий князь Сергей Александрович и П.А. Столыпин. Саму монархию царским спецслужбам также спасти не удалось. Не стоит даже упоминать, что не справились со своими задачами и аналогичные структуры при Временном правительстве.

Большевики, создавшие ВЧК, после своих первых неудач (ярославский мятеж и левоэсеровское выступление 6 июля 1918 г.) в ходе Гражданской войны разгромили вооруженную оппозицию, которую пришлось добивать в 1920—1930-е годы (ликвидация всевозможных внутренних и зарубежных политических банд и крестьянских восстаний). К началу Великой Отечественной войны в стране не было сильных и организованных антиправительственных структур, однако массовые репрессии в конце 30-х гг. уничтожили сотни тысяч ни в чем не повинных (но оболганных или спровоцированных) советских людей, в том числе и чекистов. В дальнейшем органы КГБ по-прежнему успешно выполняли свои основные, прежде всего контрразведывательные, функции. Что же касается их деятельности в период перестройки, то главную ответственность за действия, приведшие к изменению социального строя, несут дураки и предатели в руководящих структурах КПСС и Советского правительства — единственные, кто был способен парализовать деятельность спецслужб.

Контрразведывательная функция органов госбезопасности, значение которой резко возросло после Октября 1917 года и которая в наше время явно не является главной в работе Федеральной службы безопасности Российской Федерации, оставалась неизменной со времени зарождения российских спецслужб. Изменения носили в основном технический характер. А вот разведка в XVIII—XIX вв. велась эпизодически, в основном по военной и дипломатической линии. Со времен Николая I главной задачей Заграничной агентуры русской тайной полиции было наблюдение за русской эмиграцией, и только с созданием советской разведки деятельность этой службы была поставлена на серьезную, научную основу. Успехи царской и советской разведок вряд ли могут быть сравнимы.

Деятельность военной контрразведки начинается со времен Отечественной войны 1812 года, когда появляется Высшая военная (позднее военно-секретная) полиция. Постепенно, начиная с восстания декабристов, когда армия перестает быть опорой режима, контрразведывательные функции таких учреждений уступают место функциям охранительным, поиску «крамолы». Создание в 1903 году контрразведывательного подразделения в военном ведомстве не очень изменило ситуацию — тем более что новая структура состояла в основном из жандармов, как и последующие спецслужбы белых правительств. Впрочем, таких широких оперативных возможностей, как Особые отделы в Рабоче-крестьянской Красной армии, а затем в Советской армии, царские органы военной контрразведки не имели. Особые отделы оставались в армии как форма недоверия к военным специалистам, и их полномочия постоянно расширялись. Правда, в 1930 году они были объединены с органами контрразведки, и окончательное (на сегодняшний день) их разъединение состоялось в 1936 году, в преддверии предстоявших в Красной армии репрессий. После двух экспериментов (в феврале 1941 года и в апреле 1943 года) по передаче Особых отделов в военное ведомство они вернулись в систему госбезопасности.

Вопросами экономики занимались еще III отделение и МВД Российской империи, но создание отдельной структуры произошло при большевиках, организовавших отдел по борьбе со спекуляцией ВЧК, далее существовавший в виде Экономического управления, а в наше время — Департамента экономической безопасности ФСБ. Аналогичные органы на транспорте также существуют еще с жандармских времен. Охрана первых лиц государства, которой при царизме спецслужбы занимались вместе с военными структурами, окончательно перешла в ведение органов госбезопасности в 1935 году и после реорганизации КГБ в 1991 году осуществляется выделенной в самостоятельное ведомство Федеральной службой охраны РФ.

Органы пограничной стражи, существовавшие до революции в виде самостоятельной структуры и претерпевшие за 100 лет многочисленные преобразования, с 1991 года стали отдельным ведомством — Федеральной пограничной службой РФ, а с 2003 года снова входят в состав Федеральной службы безопасности РФ. Таким образом, рассматривая историю отдельных подразделений системы органов государственной безопасности в России, можно проследить в отдельных случа-

ях преемственность их функций в течение всей истории нашего государства.

Среди функций спецслужб в России, так же как и в других странах, было проведение операций, направленных против врагов существующего строя как на своей территории, так и за границей и против режимов недружественных государств во время конфликтов между ними и Россией/СССР. Такие действия предпринимались и до 1917 года — например, акции Заграничной агентуры Департамента полиции и ее руководителя П.И. Рачковского против эмигрантов-народовольцев (нападение на типографию в Женеве и др.).

Наибольший размах эти операции приобрели сразу же после окончания Гражданской войны 1918—1921 годов, когда за рубежами России оказалось около 2 миллионов эмигрантов, среди которых были тысячи реваншистов, непримиримых врагов нового народного строя, имевших боевой опыт и мечтавших о возврате утраченных привилегий. Тому свидетельством — деятельность белоэмигрантских организаций, в первую очередь Российского общевойскового союза (РОВС), развернувшего активную работу в Европе и Азии и засылавшего не только группы вооруженных боевиков, но и целые отряды на советскую территорию.

Следствием этой борьбы с агрессивной частью белой эмиграции стали ликвидации (похищение или убийство) чекистами некоторых ее наиболее оголтелых и опасных для советской власти лидеров. Так, в 1921 году в Китае был убит генерал А.И. Дутов, из Китая же в 1926 году был вывезен атаман Б.В. Анненков, а в Париже были похищены председатели РОВС — генералы А.П. Кутепов (в 1930 году, за подготовку массового восстания) и Е.К. Миллер (в 1937 году, за связи с немцами).

По мере того как активность белой эмиграции снижалась (хотя совсем она не прекратилась), сотрудникам органов ОГПУ-НКВД пришлось заняться и представлявшими опасность «секретносителями» — в частности, бывшими чекистами и военными разведчиками, и политическими оппозиционерами (особенно троцкистами), и многочисленными перебежчиками из СССР. Так погибли бывшие сотрудники ИНО ОГПУ-НКВД Игнатий Рейсс (Порецкий), Григорий Агабеков, многие троцкисты и другие раскольники-провокаторы в Испании во время гражданской войны 1936—1939 гг. (в том числе Андрес Нин) и сам бывший главный политический противник Сталина Лев Троцкий. Его убийство диктовалось реальной опасностью использования неугомонного и

беспринципного «демона» враждебными странами в качестве марионетки и необходимостью сохранить в условиях войны единство комдвижения.

Международное положение Советского Союза, оказавшегося в недружественном окружении, было чревато конфликтами, дипломатическими и вооруженными. Советским органам госбезопасности пришлось действовать, применяя «острые методы» (например, засылка диверсионных групп на иностранную территорию) против басмачей, совершавших вооруженные рейды в советские республики Средней Азии с территории сопредельных государств; в период перманентного конфликта с Японией, начавшегося сразу же после Октября; в Китае, где начиная с 1920-х годов шла гражданская война, осложненная японским вмешательством и вплотную затрагивавшая интересы СССР; в Испании, где в 1936—1939 гг. Москве и ее испанским союзникам противостояли нацистская Германия и фашистская Италия.

Все вышеперечисленные факторы — подрывная и террористическая деятельность антисоветской эмиграции (прежде всего ОУН, НТС, русских фашистов), оппозиционных фракций в международном коммунистическом движении, агрессивная деятельность иностранных государств против Советского Союза — не только сохранялись, но и усилились к 1941 году, к началу Великой Отечественной войны.

В годы же самой войны уничтожение предателей всех мастей, сепаратистов, руководителей оккупационной администрации и военного командования приняло массовый характер, но не стихийный, а тщательно организованный. В этом огромная заслуга советских чекистов.

После победы, в условиях развязанной руководством США «холодной войны» спецоперации продолжались. Как и раньше, все они носили превентивный, оборонительный характер. Кстати говоря, только сейчас, после падения СССР, всплывают причины их проведения. Исключением являлись (при Никите Хрущеве) совершенно бессмысленные и даже вредные ликвидации лидеров ОУН Льва Ребета и Степана Бандеры. ОУН-УПА на Украине к тому времени была полностью разгромлена, сами убиенные перегрызлись между собой, более того, их нейтрализация только дала эмиграции знамя, и поэтому иначе, чем глупостью, эти операции не назовешь.

Заметим также, что боевые спецоперации не являлись монополией СССР. Все серьезные спецслужбы проводили и проводят их. Чтобы не быть голословным, процитирую современ-

ного немецкого автора. У. Ульфкотте в своей книге «Совершенно секретно: БНД» пишет:

«Питер Райт — один из немногих высокопоставленных западных разведчиков, которые после выхода в отставку признались в том, что во время их службы разведками планировались убийства. В “Ловце шпионов” написано, что в начале кризиса вокруг Суэцкого канала в 1956 году МИ-6 в Лондоне разработала план убийства египетского президента Гамаля Абд-эль Насера “нервным газом”. Премьер-министр Иден одобрил смертельный заговор. Но так как для этого нужно было бы тайно пронести несколько канистр с нервно-паралитическим газом в помещение вентиляционной системы главной резиденции Насера и при этом могло бы погибнуть много других людей, от плана отказались. МИ-6 затем послужила, по крайней мере, образцом для позднейших сценариев фильмов о Джеймсе Бонде, когда она с целью выработки тихого и простого способа убийства создала в своем исследовательском отделе коробку сигарет, из которой могли бы выстреливаться отравленные стрелы, подобные стрелам для игры в “дарт”. Питер Райт был одним из первых свидетелей, принявших участие в “пробных использованиях” этого нового оружия. Инженер-разработчик д-р Лэдделл вытянул сигарету из пачки, и в то же мгновение отравленная стрела вонзилась в шкуру подопытной овцы, которая умерла через пару секунд. Питер Райт не сообщает, как часто отравленные дарт-стрелы, которые позднее были переданы и ЦРУ, использовались против людей.

Большинство разведок не страшится совершать убийства. Но их убийства становятся известны лишь в очень редких случаях...»

...Впечатлительно некрасивым примером того, что человеческие жизни и при проведении акций западных разведок иногда не принимаются во внимание, служит потопление 10 июля 1985 года корабля «Рэйнбоу Уорриор 1», принадлежавшего экологической организации «Гринпис», в новозеландской гавани Окленд, проведенное агентами французской разведки ДЖСЕ — Генерального управления внешней безопасности (DGSE, Direction Generale de la Securite' Exterieur) — наследника СДЕСЕ, Службы внешней документации и контрразведки (SDECE, Service de Documentation Exterieur et de Contre Espionnage), когда погиб один член судовой команды. Бывший шеф французской разведки Пьер Марион охарактеризовал работу ДЖСЕ как «часто жестокую и неразборчивую

в выборе средств». Во время войны за независимость Алжира французская внешняя разведка убила сотни людей — во имя французского государства. Ее агенты чувствовали себя элитным подразделением: из 500 желающих отбиралось в лучшем случае лишь трое. Советник бывшего министра обороны Жан-Пьера Швенемана говорил: «Ценим мы службу или нет, ей нужны подходящие типы». А бывший шеф ДЖСЕ Клод Сильберцан подчеркивал: «Иногда нам приходится пачкать руки». («Гринпис» попадал также и под прицел британских спецслужб. В Саффолке решили расследовать тайную операцию защитников природы. «Гринпис» заподозрили в постройке подлодки для разрушения нефтедобывающих платформ в Северной Атлантике. Там разведки сфотографировали нечто желтое и цилиндрическое. Было ли это нечто желтой подводной лодкой? На самом деле это была плавающая капсула, с помощью которой можно было спасать людей с тонущих кораблей при морских акциях. Но выяснила это не британская разведка, а английская газета «Индепендент», написавшая об этом 27 августа 1997 года.)

Но в то время как Франция долгое время видела самую большую опасность для своих атомных испытаний в Южных морях в открытом протесте защитников природы «Гринпис» на надувных лодках, она не замечала долговременную угрозу внутри страны. Атомный шпион, предававший самые секретные атомные тайны Франции КГБ, сидел, огороженный десятью линиями колючей проволоки под током, в самом защищенном французском научно-исследовательском комплексе. В Сакле, недалеко от замка короля Людовика XIV в Версале, он работал в качестве физика-ядерщика при Государственной комиссии по атомной энергии (СЕА). Франсис Темпервиль часто занимался изготовлением большого количества ксерокопий в своем отделе. Но его измену никто не заподозрил. Талантливый холостяк не был перегружен своей работой и мечтал о собственном элитном институте. В начале 1987 года он дал в газете объявление о репетиторстве по физике и математике и даже не подозревал, что человек, представившийся ему как «Серж», был офицером КГБ и советским дипломатом. Серж очень заинтересовался секретными исследованиями одаренного француза. В общей сложности четыре года Темпервиль поставлял московским агентам прекрасные материалы о состоянии французского ядерного арсенала. Теперь он сидит в тюрьме и дает своим охранникам уроки физики и математики.

Ни в одной стране мира акции спецслужб не выглядят такими само собой разумеющимися, как во Франции. Мировая держава, согласно общему мнению, должна защищать свои интересы. А в случае необходимости — и насилеи, и убийствами. Лишь Шарль де Голль указал границы связанным с убийствами акциям своих агентов. Он приказал не осуществлять убийства французских граждан и убийства на территории Франции. То есть в Германии ДЖСЕ по-прежнему мог и может убивать. В марте 1959 года французами был убит во Франкфурте-на-Майне Георг Пухерт, поставлявший алжирскому движению независимости ФЛН военные грузы. Годом раньше в гавани Гамбурга французскими боевыми пловцами было потоплено судно «Атлас», которое якобы было загружено оружием для Фронта национального освобождения Алжира. Сегодня методы убийства ДЖСЕ стали тоньше, но нет сомнения, что эта служба — если это необходимо по государственным соображениям — может и дальше убивать в Германии.

И для ЦРУ такие действия не являются исключением. Бывший президент Конго Патрис Лумумба погиб от руки ЦРУ, как и южновьетнамский диктатор Нго Дин Дьем и доминиканский диктатор Рафаэль Трухильо. Другим политикам повезло. Фидель Кастро пережил уже восемь попыток его убийства, организованных ЦРУ. В июле 1997 года стало известно, что ЦРУ в 1961 году предложило мафии 150 тысяч долларов за убийство Кастро. Кроме тогдашнего директора управления безопасности ЦРУ Эдвардса, в план был посвящен только брат убитого в 1963 году президента Кеннеди. Они связались через одного частного детектива во Флориде с боссами мафии, и последние согласились принять заказ, отказавшись от оплаты. Но найденный на Кубе киллер скрылся, получив аванс в 10 тысяч долларов. После катастрофы неудавшейся операции в Заливе Свиней в 1961 году ЦРУ отказалось от операции. До этого были попытки убийства Кастро с помощью отравленных сигар и снаряженных смертельным ядом шариковых ручек. Затем специалисты ЦРУ думали о том, как бы выставить Кастро в смешном виде перед всем миром. Шпионы из Лэнгли даже собирались ввести в его туфли во время очередной поездки за рубеж средство, от которого выпали бы волосы, чтобы Кастро потерял свою бороду и свою власть. Братья Кеннеди совершенно серьезно верили в серьезность такого предложения, но оно не было воплощено в жизнь.

В 1954 году ЦРУ поддержало военный путч в Гватемале, во время которого был свергнут Хакобо Арбенс Гусман, один

из немногих свободно избранных президентов этой страны. С того времени начался упадок Гватемалы. Многие из гватемальских военных получали деньги от ЦРУ. А ЦРУ до самого последнего времени платило им за похищения, пытки и убийства гватемальцев. Лишь несколько месяцев назад ЦРУ опубликовало свои секретные материалы, из которых следует, что сама американская разведка убивала более сорока лет политиков в Гватемале. Начавшаяся в 1952 году акция по свержению прокоммунистического президента Арбенса известна уже давно. Но только сейчас ЦРУ признало, что планировались и убийства.

Человеческие жизни ничего не значат для ЦРУ, особенно если речь идет не об американских гражданах. Телепередача «Контрасты» в январе 1998 года рассказала, как ЦРУ оставило в беде двух своих агенток после их провала и осуждения в ГДР. Хотя ЦРУ прекрасно знало о судьбе своих сотрудниц, оно никак не постаралось включить этих женщин в список для обмена «засыпавшихся» агентов. Ответственный в то время за обмена агентами адвокат из ГДР Вольфганг Фогель сообщил в передаче, что Соединенные Штаты в 60-х годах заступались перед властями ГДР, прося об их освобождении, только за граждан США, но делали это с большой энергией.

ЦРУ поддержало военный путч заирского диктатора Мобуту в 1965 году, как и наступление вождя заирских повстанцев Кабилы на Киншасу, который после взятия столицы провозгласил себя президентом этой страны, переименованной в «Демократическую Республику Конго», хотя до того Кабила при прикрытии ЦРУ по стратегическим соображениям выморил голодом десятки тысяч руандийских беженцев. Роберт фон Люциус, многолетний корреспондент «Франкфуртской всеобщей газеты» в Африке, сообщил 15 марта 1997 года:

«При этом есть признаки того, что появление Кабилы было планом ЦРУ... За короткий срок число сотрудников ЦРУ в Киншасе увеличилось с двух до пятнадцати».

Но с точки зрения французов Заир-Конго входит в сферу французских интересов. Так что французская и американская разведки борются друг с другом. Обозленная действиями Вашингтона, французская разведка, по информации газеты «Нью-Йорк таймс», тайно через фирму «Геолинк» поставляла оружие Мобуту Сесе Секо (это имя означает «сильный петух, который "покрывает" всех кур»). Великобритания, тоже заботящаяся о своем влиянии в этом богатом природными ресурсами регионе, в это же время организовала тренировку солдат

Кабилы инструкторами SAS в Уганде. Так конфликт в Заире в начале 1997 года стал конфликтом между разведками Парижа, Вашингтона и Лондона. Поражение в гонке за полезными ископаемыми Заира-Конго потерпела в первую очередь Франция, не имеющая никакого влияния на Кабилу и окончательно потерявшая свою власть и доступ к полезным ископаемым. Зато американские горнообогатительные концерны уже во время наступления войск Кабилы на Киншасу получили первые концессии в богатой медью заирской провинции Шаба. С точки зрения американцев, главная цель была достигнута. Не судьба борющихся за выживание во времена правления Мобуту заирцев, а только стратегический доступ к заирским природным богатствам для американских концессионеров был главной мотивацией американской поддержки Кабилы, который в прошлом был другом прав человека не в большей степени, чем сам диктатор Мобуту. На вопрос, введет ли подержанный Вашингтоном Кабила демократию в Заире-Конго, комментатор газеты «Вельт ам Зоннтаг» Зигмар Шеллинг 18 мая ответил так: «Ничего не свидетельствует в пользу этого, когда речь заходит о человеке, который подписывает в захваченных областях договоры об эксплуатации богатейших природных ресурсов с международными концернами так, как будто вся страна принадлежит лично ему». Биржевые эксперты тоже удивленно трут глаза: если в ноябре 1996 года цены на медь постоянно возрастали, то при захвате власти Кабиллой они упали.

Но с Кабиллой американцы достигли и другой — стратегической — цели: создания защитного пояса против исламизма из фундаменталистского Судана. От Кении через Эритрею, Эфиопию, Уганду, Бурунди, Руанду до Заира-Конго протянулся проамериканский буфер, защищающий от экспансионистских поползновений исламского фундаментализма на самом бедном континенте мира. Американские спецслужбы не только содержат в Уганде военные базы, с которых они поддерживают деньгами, оружием и подготовкой суданских христианских повстанцев в их борьбе с режимом в Хартуме. Здесь испытывают и современные разведывательные методы и технику в борьбе против ненавистных Вашингтону лидеров Судана.

В сообщениях средств массовой информации об этом районе иногда маловато правды. Когда я писал сообщения для «Франкфуртер Альгемайне» из Киншасы летом 1997 года, репортаж американского телевидения CNN едва не стоил фотографу Маркусу Кауфхольду из Висбадена и мне жизни. Когда

корреспондентка CNN сообщала якобы — так она убеждала слушателей — из все еще осажденного Браззавиля, фотограф и автор книги тоже решили на чартерном самолете «Стесан» прилететь из Киншасы в Браззавиль. Через час после того, как CNN в последний раз передавала с аэропорта в Браззавиле, маленький самолет под обстрелом сел на летное поле Браззавиля. Видны были лишь конголезские солдаты и legionеры французского Иностранного легиона, спасавшиеся, кто как мог. CNN нигде не было видно, а legionеры сообщили, что работники американского телевидения уехали еще два дня назад. Когда мы с фотографом Маркусом Кауфхольдом вечером вернулись в Киншасу и включили в отеле передачу CNN, телекомпания все еще «в прямом эфире» сообщала о боях в браззавильском аэропорту. Это не изменилось и на следующий день.

Насколько полезными могут оказаться современные разведывательные технические новинки, показал штурм резиденции японского посла в перуанской столице Лиме в апреле 1997 года. За четыре месяца, пока террористы удерживали заложников, американские спецслужбы помогли перуанцам превратить заминированное 14 тяжело вооруженными бунтовщиками движения «Тупак-Амару» здание в «стеклянную виллу». Крошечные микрофоны, перископы и разведывательные полеты самолета-шпиона информировали команду освобождения о каждом шаге террористов. С самолета ЦРУ были определены места размещения всех бомб и мин, заложенных повстанцами в доме и в саду. С помощью перископов силы безопасности смогли наблюдать за первым этажом резиденции. В предназначенных для заложников термосах, Библиях и костылях в здание были занесены миниатюрные микрофоны, так что перед штурмом каждый шаг террористов был известен. После многонедельных тренировок перуанских элитных солдат на построенной ЦРУ близ Лимы копии резиденции в натуральную величину они за несколько минут смогли убить всех 14 террористов и освободить заложников.

И британская внешняя разведка МИ-6 снабжала своих важнейших сотрудников знаменитой «лицензией на убийство». Историю убийств, совершенных британской разведкой, можно обоснованно протянуть до времени мандатного правления в Палестине. Только при восстании «Мау-мау» в Кении тысячи кенийцев были расстреляны или задушены струнами от пианино британскими агентами. Такие неаппетитные вещи, конечно, пытаются скрыть, но это не всегда удается. Неприятно для Ее Величества было, когда стало известно, что ко-

манда спецназовцев британской Специальной авиадесантной службы SAS в 1988 году в Гибралтаре убила трех человек прямо на улице: двое из них были высокопоставленными вождями Ирландской республиканской армии. К окружению британских спецслужб относятся и те бывшие десантники SAS, которые с ведома и согласия британского правительства убивают в рядах войск наемников в Африке или обучают технике убийства местных военных. Из-за нежелания портить отношения с Индией (ведь «Тамильские тигры» — индийские протеже) прямое вмешательство англичан в Шри-Ланке невозможно, поэтому такие наемники спецслужб используются, например, там в борьбе с восставшими тамилами. Бывший британский майор SAS Брайан Бэйти со своими людьми обучал ланкийские спецподразделения. Созданная для подобных целей фирма «Кини Мини Сервисес» («Keeni Meeni Services», KMS) тренировала афганских моджахедов и была замешана в аферу «Иран-контрас». Если верить эксперту в делах разведслужб Стивену Доррилу, так они делают «грязную работу» для британского правительства. Кроме того, вплоть до последнего времени существовало спецподразделение под названием «Группа 13», которое, как предполагается, используется тогда, когда нужно кого-то профессионально убить, замаскировав это под самоубийство. Роберт Скотт, бывший боец SAS, был в апреле 1997 года приговорен британским судом к трем годам тюрьмы за нелегальную продажу оружия. В рамках процесса Скотт, принимавший участие в тайных операциях SAS в Северной Ирландии и Султанате Оман, сообщил, среди прочего, о ранах, вызываемых разрывными пулями «дум-дум» в людских телах: «Когда такая пуля попадает в человека, получается ужасная дыра».

Одну из самых темных глав истории британских спецслужб еще нужно серьезно изучить: военную поддержку режима Пол-Пота в Камбодже. С 1985 по 1989 год 250 военнослужащих SAS обучали в Таиланде и Малайзии вояк страшного диктатора — массового убийцы обращению с современным оружием. Когда премьер-министр Маргарет Тэтчер отрицала перед парламентом вмешательство британского спецназа, министр обороны Хэмилтон был вынужден в июне 1991 года признать помощь в обучении в тайных лагерях...

...Иногда люди служат спецслужбам и в качестве подопытных кроликов. Испанская газета «Эль Мундо» сообщила в сентябре 1996 года со ссылкой на документы спецслужб о том, что испанская разведка CESID использовала трех нищих, по-

хищенных агентами спецслужбы в мадридском районе Мала-сана, в качестве «подопытных кроликов» для испытаний усыпляющих средств. На беднягах проверяли то средство, которое разведка собиралась применить при похищении предводителя баскской сепаратистской группы ЭТА во Франции. Из-за другой аферы в марте 1998 года Верховный суд страны приговорил полковника Хуана Альберто Пероте, «номера два в CESID», к семи годам тюремного заключения.

Президенту Черногории Момиру Булатовичу с начала 1997 года уже почти не удалось справиться с яростью своих спецслужб. Он официально обвинил собственного шефа службы госбезопасности — с которой и БНД поддерживает дружеские отношения — в пренебрежении к конституции и правам человека. Он потребовал отставки шефа спецслужбы Вуксина Мараса.

Израиль, вероятно, наряду с Тегераном, удерживает мировой рекорд по числу убийств, совершаемых разведкой. Примером служит убийство агентом МОССАД в октябре 1995 года в отеле на Мальте Фатхи Шакаки, руководителя радикальной палестинской подпольной организации «Исламский Джихад». Агенты МОССАД убили и террористов палестинского движения «Черный сентябрь», совершивших в 1972 году во время Олимпийских игр в Мюнхене нападение на Олимпийскую деревню и убивших там одиннадцать евреев.

Созданный в 1951 году МОССАД, похоже, не волнует, если он попадает не в тех людей. Официант из Марокко Ахмед Бушки был убит 21 июля 1973 года в норвежском городе Лиллехаммере командой МОССАД. Это было одной из многих ошибок, ведь Бушки не имел ничего общего ни с политикой, ни со спецслужбами. Лишь в 1996 году израильское правительство выразило свою готовность помочь семье Бушки, потерявшей своего кормильца 23 года назад в результате убийства. Но официальных извинений или хотя бы признания преступления так и не последовало.

Деннис Айзенберг, автор книги «МОССАД», так пишет об этой израильской акции: «Операция провалилась самым катастрофическим образом. Члены группы, среди которых было несколько дилетантов, убили не того человека, а к тому же дали себя арестовать. Во время процесса агенты раскрыли все подробности акции. Так, случилось то, чего МОССАД боялся больше всего: его акции попали в заголовки. В газетах всего мира появились статьи о “бессовестном походе мести МОССАД”.»

МОССАД убивает и шпионит в Соединенных Штатах так же беззастенчиво, как и в Великобритании, Франции или Германии. В Америке мировую известность приобрел после своего ареста агент МОССАД Джонатан Поллард. В 1987 году британское правительство Тэтчер, в свою очередь, выслало огромную группу мнимых израильских дипломатов, которые не только выдавали фальшивые британские паспорта, но и создали в Лондоне склады взрывчатки и гранат для МОССАД. После таких дел легендарная доселе слава израильской внешней разведки значительно померкла. Но мало того: «Международная амнистия» сообщила в 1996 году, что палестинские заключенные в Израиле подвергаются пыткам «по советам врачей израильской спецслужбы». Израиль — единственное государство в мире, которое официально поддерживает практику пыток, применяемую его секретными службами. В мае 1997 года доклад ООН осудил эту практику Израиля. Профессор Бент Соренсен, работавший над этим докладом ООН, доказал, что один только убитый израильский премьер-министр Ицхак Рабин, будучи главой правительства, санкционировал издевательства над восемью тысячами палестинских заключенных. По данным ООН, за последние 10 лет не менее 20 палестинцев умерло в результате пыток израильских спецслужб. И другие разведки не могут быть защищены от МОССАД. В апреле 1997 года МОССАД произвел обыск в бюро палестинской разведки в двух палестинских деревнях в Западной Иордании.

МОССАД давно уже не столь безупречен, как кажется. В сентябре 1997 года провалилось покушение МОССАД в Иордании на одного из лидеров палестинской группы «Хамас» Машаала. Этот человек должен был быть казнен шприцем с ядом. Но оба израильтянина позволили себя поймать. Несмотря на долгую слежку за объектом, они даже не заподозрили, что у их жертвы есть телохранитель. Эта афера относится к самым скандальным провалам израильской разведки за последние десятилетия, ведь убийство в Иордании санкционировал лично премьер-министр Беньямин Нетаньяху. Иорданский король Хусейн был вне себя от ярости. Так же чувствовали себя и канадцы: израильтяне действовали с фальшивыми канадскими паспортами. Использование разведками паспортов дружественных стран для тайных операций считается нормальным в этом ремесле. Но Израиль многократно до того обещал канадцам больше не использовать канадские паспорта в операциях. В 1981 году на Кипре во время акции были арестованы два израильских агента с канадскими паспорта-

ми, и в 1991 году еврейское государство снова «засветилось» в одной операции с поддельными паспортами североамериканской державы. В марте 1996 года Канада и Израиль договорились о более тесном сотрудничестве между спецслужбами, при условии что Израиль не будет больше использовать в разведоперациях канадские паспорта. Но последовала попытка убийства в Аммане. Израилю пришлось срочно направлять в Иорданию вертолет с противоядием, а для умиротворения разгневанных палестинцев — выпустить много заключенных.

Несколько месяцев спустя, в феврале 1998 года, вновь за границей были пойманы шесть сотрудников МОССАД во время проведения секретной операции. В этот раз они пытались пробраться в квартиру 32-летнего ливанца в Швейцарии и подключиться к его телефонным проводам. Команда МОССАД была арестована. В Швейцарии уверены, что МОССАД планировал и другие нелегальные акции в стране, иначе, по мнению швейцарцев, он не посылал бы шесть человек только для подслушивания одного телефонного кабеля близ Берна. (С 1980 по 1995 год в Швейцарии было раскрыто всего 115 случаев шпионажа. В 78 случаях были замешаны восточноевропейские государства. МОССАД в начале 90-х годов совершил нападения на одну швейцарскую фирму, чтобы она не продавала свою технологию противникам Израиля.) Когда блистательная слава МОССАД не только получила царапины, нет, хуже того — она потускнела. А в дополнение ко всему израильский «ястреб» Шарон заявил 15 марта 1998 года в одном телеинтервью, что МОССАД все равно попытается убить лидера «Хамас» Машаала. Миссия МОССАД «еще не окончена». Кажется, большие успехи прошлого уже забыты: дело Адольфа Эйхмана, когда группа МОССАД выследила, похитила и вывезла его в Израиль, где высокопоставленный эсэсовец был казнен в 1962 году; дело ракетных катеров, когда израильским агентам удалось в 1969 году увести пять ракетных катеров из французской гавани Шербур в Израиль. Поэтому в конце февраля 1998 года 52-летний шеф МОССАД Данни Йатом вышел в отставку после двух лет руководства службой. Израильский политаналитик Амир Орен иронизировал: «Раньше считалось, что МОССАД точен, как швейцарские часы. Теперь он скорее похож на швейцарский сыр».

Преемником Данни Йатома стал 64-летний (к моменту вступления на новый пост) Эфраим Халеви. Ему теперь после многочисленных неудач нужно войти в историю спасителем МОССАД. Халеви, первый в истории МОССАД шеф служ-

бы, не имевший за плечами военной карьеры (потому некоторые высмеивают его как «гражданского»), хочет привести деморализованных людей к новой славе. Выросший в лондонском Норд-Энде, 14-летний Халеви в 1948 году переехал в Израиль — на новую родину еврейского народа. Там он, собственно, хотел бороться за независимость страны в рядах «Хаганы», но порок сердца не позволил ему долго находиться в армии. Вместо военного дела он посвятил себя изучению законов. Несколькими годами спустя, в 1961 году, организованный десять лет назад МОССАД обратил внимание на талантливого молодого человека и взял его на работу. В последующие годы Халеви начал гражданскую карьеру во внешней разведке Израиля, всегда столь проникнутой военным духом. В отличие от многих разведчиков, о Халеви говорят, что он сначала думает, а лишь потом действует. Он никогда не был связан с отделом МОССАД «Каресареа», ответственным за убийства и теракты. И от отдела «Цомет» («Узел»), занимающегося по всему миру ради благополучия еврейского народа подслушиванием телефонных разговоров и вербовкой агентов-иностранцев, он всегда держался подальше. Гражданский человек Халеви поставил себе целью сначала победить бюрократию в самом МОССАД. Одновременно он хочет сделать так, чтобы служба не попадала в заголовки газет. Потом, как это уже сегодня известно в разведывательных кругах Израиля, его преемником снова станет армейский вояка, скорее всего — генерал Амирам Левин.

В апреле 1998 года можно было опять отпраздновать маленький успех израильской разведки. Через 11 лет после высылки всех агентов МОССАД из Великобритании, убежденные в своей исключительности еврейские элитные шпионы получили право на возвращение в Лондон. Бывшая премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер выслала мозаиковцев из страны в 1987 году за то, что они не сообщили британским властям о планах убийства палестинского художника-карикатуриста Наджи Али. Возвращение агентов было обговорено в ходе переговоров по подготовке посещения премьер-министром Соединенного Королевства Тони Блэром Израиля весной 1998 года. Этот шаг провел новый шеф МОССАД Эфраим Халеви. И хотя подразделения МОССАД уже десятилетиями действуют и на немецкой земле, они весной 1998 года получили разрешение от немецкого Федерального правительства на использование Германии как оперативной территории, «если существует подозрение, что отсюда подготавливаются террористические действия, направленные против Израиля».

Немецкий автор, что называется, не открыл Америку. Более того, он слабо знает предмет, приводит очень и очень мало примеров. Спецслужбы стран Запада убивали, убивают и будут убивать. Притом, как складывается общая ситуация в мире, без всякого риска делаю прогноз, что в ближайшие годы количество силовых спецопераций (не только убийств) только возрастет. Если у кого после прочтения этой книги сложится впечатление, что советские спецслужбы убивали больше других, то оно ложное. Просто наших больше «просвечивали» и больше разоблачали. В годы «холодной войны» несокрушимый меч советского народа — КГБ — был главным объектом атак всех «независимых» западных, да и не только западных, СМИ. Поэтому не надо придумывать (чем занималось руководство СССР во главе с Михаилом Горбачевым) «в узком кругу ограниченных людей» всякую чушь типа «нового мышления», позаимствованную из мультиков про кота Леопольда, а надо четко видеть вызовы времени и уметь адекватно и профессионально на них отвечать. Профессионально, а не так, как это прошло в «Норд-Осте», Беслане или Катаре.

Часть первая

В ПРИЦЕЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ

ГЛАВА 1. ТРИ ПОКУШЕНИЯ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В отличие от других леворадикальных партий (анархисты, бундовцы и эсеры), которые с оружием в руках сражались с «царским режимом» на территории Российской империи, большевики не имели богатого опыта «ликвидации» своих политических противников.

Опыт организации экспроприаций и вооруженных восстаний, которым обладали большевики¹⁴, был малопригоден для разработки операций в сфере ликвидации крупных политических лидеров. Зато ему нашлось применение, когда политическое руководство Советской России решило раздуть «пожар мировой революции» и по всему миру прокатилась волна вооруженных восстаний¹⁵.

Зато прекрасным опытом в сфере организации ликвидаций обладали анархисты и эсеры. Располагая, в отличие от большевиков, очень ограниченным набором ресурсов, к тому же находясь в оппозиции существующей власти, эсеры смогли организовать несколько покушений. В качестве примера расскажем о двух эпизодах Гражданской войны.

На территории Украины

Германский государственный и военный деятель, прусский генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн погиб 30 июля 1918 года в Киеве в результате покушения левого эсера Бориса Донского. Военачальник, прошедший три войны (австро-прусскую 1866 года, франко-прусскую 1870—1871 годов и Первую мировую войну), погиб от руки террориста. Эсеры в начале прошлого века славились своими удачными покушениями на высокопоставленных персон Российской империи. И даже смена политического режима не отразилась на профессионализме боевиков этой организации.

Военачальник родился в 1848 году в Бреслау. В 1866 году вступил во 2-й гвардейский пехотный полк. Участвовал в двух войнах, а потом служил в Генштабе. В 1914 году вышел в отставку, но началась война. В январе 1915 года назначен ко-

манdüющим сформированной на Востоке 10-й армией, развернутой от Тильзита до Инстербурга. Участвовал в зимнем сражении в районе Мазурских болот (начал наступление 26 янв. (8 февр.) в обход правого фланга 10-й рус. армии), окончившемся окружением частей 10-й русской армии. Несколько выигранных сражений. В конце 1917 — начале 1918 года группа армий Эйхгорна действовала в Прибалтике и Белоруссии. С апреля 1918 года главнокомандующий группы армий «Киев». Руководил на последнем этапе оккупацией Южной Белоруссии, Украины и Юга России. Возглавил администрацию оккупированных областей Украины (за исключением находящихся под управлением австро-венгерской администрации частей Волынской, Подольской, Херсонской и Екатеринославской губерний), Крыма, Таганрога, а также южных районов Белоруссии, Донской области, части Воронежской и Курской губерний и др. Проводил жесткую оккупационную политику.

После подписания Брестского мира и оккупации немецкими войсками Украины, Белоруссии и части западных регионов России с началом концентрации власти в руках большевиков левые эсеры заявили о возобновлении террористических актов против основных врагов революции и свободы. Для террористической борьбы была создана Боевая организация партии левых эсеров, в состав которой вошли Г. Смолянский, занимавший ответственную советскую должность, Б. Донской — кронштадтский матрос и И. Каховская — бывшая террористка-каторжанка. Они хотели придать террористическим покушениям интернациональную окраску, которая бы вызывала волну революционных выступлений на Западе, прежде всего в Германии. Поскольку Германию на том этапе эсеры считали своеобразным «жандармом буржуазного общества», решено было совершить покушение на императора Вильгельма II или начальника штаба немецкой армии Гинденбурга.

Члены немецкой организации левых социал-демократов «Союз Спартака» поддержали идею террористической борьбы, хотя сами отказались в ней участвовать. Они отклонили кандидатуру кайзера как потенциальной жертвы теракта и заявили:

«На Восточном фронте особенно заметна фигура генерала Эйхгорна, который посадил в Киеве гетмана Скоропадского. Его убийство встретили бы с огромным удовлетворением не только в России и Украине, а и немецкие рабочие массы...»

Фактически немецкие социал-демократы сделали все, чтобы избежать обвинений в подготовке или совершении покушения на германского императора или начальника Генштаба.

Боевая организация российских эсеров начала готовиться к террористическому акту против Эйхгорна, которого называли «главным палачом и душителем крестьянства». Сделать это своими силами они не могли, поэтому связались с украинскими эсерами, которые и согласились принять участие в теракте против германского военачальника. Кроме того, они вынашивали планы устранения собственными силами гетмана Павла Скоропадского.

От московской Боевой организации в мае 1918 года в Киев прибыли Г. Смолянский, Б. Донской и И. Каховская. Здесь террористическую группу пополнили украинские эсеры М. Залужная, И. Бондарчук (Собченко), а со временем член первого советского правительства Украины С. Терлецкий. Отдельная группа украинских левых эсеров готовила покушение на гетмана.

Подготовка покушения велась несколько месяцев. Было организовано наблюдение за жертвой с целью выяснения распорядка дня. Снято несколько конспиративных квартир. Боевики действовали по той же самой схеме, что и их предшественники — дореволюционные эсеры и народовольцы. Хотя оперативная обстановка в Киеве в 1918 году очень сильно отличалась от мирной жизни начала прошлого века. Так, центр города, где проживали будущие жертвы, тщательно охранялся и напоминал военный лагерь. Там не сдавались квартиры, почти не было магазинов, да и проникнуть туда под видом торговца папиросами или праздношатающегося гуляки было крайне сложно.

Единственное, что могли делать боевики, — быстро ходить по улице Екатерининской, сменяя один другого, постоянно переодеваясь и даже гримируясь. Один раз случайно И. Каховская встретила Эйхгорна с адъютантом, которые пешком шли к штабу. Прошло много времени, пока террористы точно установили, что такие прогулки происходят ежедневно в час дня и длятся 3—5 минут.

Террористический акт запланировали на 30 июля. За дело взялся Б. Донской. Боевики хотели разработать и план бегства Донского с места теракта, но, как и их предшественники, отвергли его. Эсеры в каждое убийство высокого должностного лица вкладывали максимум агитационного содержания. Каждый террористический акт должен был донести до широкой

общественности цель и причину уничтожения врага народа и борьбы за революционные идеалы.

В два часа дня 30 июля 1918 года Б. Донской реализовал элегантный и простой план покушения. Он «случайно» встретился с жертвой на углу Екатерининской улицы и Липского переулка и бросил бомбу. Прогремел сильный взрыв. Боевик сдался властям, даже не попытавшись покинуть место покушения. Сделать это его заставила не только безысходность, но и традиция эсеровских террористов объяснять властям и населению мотивы убийства того или иного высокого должностного лица в интересах народа.

От взрыва самодельной бомбы Эйхгорн и Дресслер были смертельно ранены. Об этом теракте гетман Павел Скоропадский вспоминал так:

«30 июля по новому стилю мы как раз закончили завтрак в саду, и я с генералом Раухом хотел пройтись по саду, прилегающему к моему дому. Не отошли мы и на несколько шагов, как прозвучал сильный взрыв неподалеку от дома. ...Я и мой адъютант побежали туда. Мы увидели действительно тягостную картину: фельдмаршала перевязывали и укладывали на носилки, рядом лежал на других носилках его адъютант Дресслер с оторванными ногами, он, несомненно, умирал. Я подошел к фельдмаршалу, он меня узнал, я пожал ему руку, мне было чрезвычайно жаль этого почтенного старика...

Я чувствовал, что его смерть только усложнит обстановку в Украине.

...Адъютант Эйхгорна Дресслер в тот же день умер. А бедного Эйхгорна отвезли в клинику профессора Томашевского, он еще помучился немного и на следующий день вечером, именно в тот момент, когда я пришел его навестить, умер.

...Террориста отправили в немецкое отделение киевского дома арестов. Сразу же началось следствие под личным надзором прокурора Генрихсена. На первом допросе задержанный заявил: «Зовут меня Борис Михайлович Донской. Мне 24 года. Я крестьянин села Гладкие Выселки Михайловского уезда Рязанской губернии, неженатый, грамотный, не судился. С 1915 по 1917 год служил на Балтийском флоте на транспортном судне «Азия», где был минным машинистом. В партии с 1916 года. Виновным себя признаю. Центральным комитетом Украинской и Российской партии левых эсеров было принято постановление убивать всех немецких, французских и других иностранных военачальников, направляющихся в Россию забирать у крестьян землю и душить российскую революцию.

На последнем съезде нашей партии в Москве это постановление было санкционировано.

...Центральный комитет Партии левых социалистов-революционеров вынес смертный приговор Эйхгорну за то, что он, являясь командующим немецкими военными силами, задушил революцию в Украине, изменил политический строй, осуществил, как сторонник буржуазии, переворот, содействуя избранию гетмана, и забрал у крестьян землю. Когда Центральный комитет Российской партии левых социалистов-революционеров приговор утвердил, я взялся за выполнение этого приговора и согласился убить Эйхгорна».

Следствие интенсивно работало и арестовало нескольких террористов. Таким образом, была сорвана их попытка совершить 1 августа во время панихиды по Эйхгорну покушение на Павла Скоропадского. Е. Терлецкому и Г. Смолянскому удалось избежать ареста и выехать из Киева. И. Каховская попала в засаду возле дачи в Святошино и была схвачена немецкими солдатами. Арестовали и И. Бондарчука (Собченко). И. Каховской и Б. Донскому был вынесен смертный приговор. Казнили лишь второго, а женщина вышла на свободу в январе 1919 года.

В марте 1919 года захватившие в Киеве власть большевики поспешили объявить боевиков героями. Хотя это не спасло левых эсеров от политических репрессий. Так, Е. Терлецкий в 1919 году вступил в новообразованную партию борьбистов, в следующем году слившуюся с КП(б)У. Потом занимал высокие государственные должности. В 1938 году был репрессирован и расстрелян. Аналогичным образом сложилась судьба и Г. Смолянского. И. Каховская с 1921 года постоянно находилась в советских лагерях. В 1956 году ее реабилитировали, а в 1960 году она умерла¹⁶.

На территории Читинской области

Другое покушение, малоизвестное для большинства интересующихся историей Гражданской войны, эсеры организовали в Забайкалье. В качестве жертвы был выбран один из лидеров Белого движения Григорий Михайлович Семенов. К осени 1918 года он контролировал огромную территорию Забайкалья и Сибири.

Японцы видели в Семенове способного организатора, а со временем нашли в нем и верного союзника по созданию Сибирь-Го, самостоятельного Дальневосточного государства. Он стал в Японии популярной личностью, причем власти относились к нему как к будущему правителю Сибирь-Го и зара-

нее приняли его дипломатического представителя. По соглашению с атаманами Амурским и Уссурийским он принял пост Походного атамана забайкальцев, амурцев и уссурийцев со штабом на станции Даурия Забайкальской железной дороги. Сам Григорий Семенов не отрицал отделения Сибири от Центральной России и создания самостоятельного государства.

20 декабря 1918 года вечером в Мариинском театре города Читы шла премьера оперетты «Пупсик». На следующий день начальник Читинской городской милиции полковник А.М. Каменев в рапорте прокурору Читинского окружного суда сообщил:

«Доношу, что 20 сего декабря в Мариинском театре около 10 часов во время второго акта с галерки неизвестно кем в ложу атамана Семёнова были брошены две бомбы. Взрывом одной из них легко ранен атаман Семёнов и женщина и тяжело — сербский офицер и женщина. Кроме того, после взрыва бомбы также неизвестно кем были произведены два револьверных выстрела, не причинивших никакого вреда. Следствие по распоряжению военного прокурора производится военными властями. Кроме того, легко ранены: гр-н Шафжер с женой и контужены подъесаул Торчилов и военный прокурор поручик Шарабурин». Добавим: в образовавшейся суматохе террористам удалось скрыться с места преступления.

В начале 1919 года семеновским военным контрразведчикам удалось установить и задержать участников покушения: рядового 31-го полка Матвея Беренбаума, бывшего командира 2-го Верхнеуральского советского полка Александра Софронова и Ивана Григорьева. Все трое участников преступления были казнены. Оговоримся сразу, все трое были членами подпольной организации эсеров, а не большевиков.

На территории Финляндии

31 декабря 1917 года руководство Советской России во главе с Владимиром Лениным подписало декрет, которым фактически признавалась независимость Финляндии. Напомним, что в результате Русско-шведской войны (1808—1809 годы) Финляндия была присоединена к территории Российской империи.

В 1917 году Финляндия сама дважды пыталась провозгласить свою независимость. Первая попытка в июле закончилась неудачей. Временное правительство объявляет о роспуске сейма Финляндии, провозгласившего независимость страны. Второй раз это произошло 6 декабря того же года. Если летом 1917 года Петроград располагал хоть каким-то средствами воздействия на Гельсингфорс (старое название Хель-